

і г. д. Наведвальнікі выставы змогуць тут азнаёміцца і з шэдэўрамі мастацкай літаратуры, прысвечанымі Першай сусветнай вайне: Э.Хэмінгуэя, Э. М. Рэмарка, Анры Барбюса, В. Вішнеўскага, Э. Стральцова і інш.

Такім чынам, экспазіцыя і фонды гістарычнага музея СШ №3 змяшчаюць разнастайныя рэчавыя і дакументальныя матэрыялы, якія дазваляюць вучням і навукоўцам праводзіць даследаванні па тэме Першай сусветнай вайны.

1. Ермалёнак, В.А. Землякам наша памяць і пашана / В. А. Ермалёнак // Міёрскія навіны. – 2015. – №4. – С.4.
2. Ермалёнак, В.А. Выстава “100 год вайны 1914–1918 г.г. / В. А. Ермалёнак // Мёрская даўніна. – 2014. – №11. – С.6.
3. Лучыновіч, Я. Успаміны. НДФ гістарычнага музея СШ №3 / Я. Лучыновіч // Фонд 14. – Вопіс 3. – С. 4.
4. Сцепулёнак, Ф. Успаміны. НДФ гістарычнага музея СШ №3 / Ф. Сцепулёнак // Фонд 14. – Вопіс 6. – С.8.
5. Кніга ўлікаў экспанатаў гістарычнага музея. – №5. – С. 1–22.

ЧЕЛОВЕК ВО «ЧРЕВЕ» ВОЙНЫ (В КОНТЕКСТЕ ВОЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. ГОРЕЦКОГО, А. БАРБЮСА, Э.М. РЕМАРКА, С. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО)

А.В. Русецкий

Четыре года длилось противостояние союзников царской России и сил кайзеровской Германии (1914–1918). Трагически-драматическим прессом, предпринятая в 1914 г. попытка перекроить мир насильственными средствами, прошла по судьбам миллионов людей. Не оставила мельница войны и белорусскую землю (военные действия вели Западный и Северный фронты) – огромные материальные разрушения, сотни тысяч беженцев, десятки тысяч не вернувшихся в родные места и из изгнания, и с фронтов военных действий.

Жизнь в изгнании ... Ее социальные и духовно-нравственные последствия до сих пор остаются мало изученными (можно вспомнить лишь рассказ Я. Коласа «Туда, на запад» и небольшую пьесу М. Горьцкого «Шутливый Писаревич», написанные в середине 1920-х годов. В современной прозе выделяется роман Вл. Гниломедова «Россия» (2007)).

Из всего многообразия проблем, рожденных Первой мировой войной (политические и экономические причины четырехлетнего военного противостояния, потери в войне, территория военных действий, отношение к войне различных социальных слоев в Европе и России, последствия войны и т.д.) обратимся к одной, в высшей степени антигуманной – ломке человеческих судеб в горниле войны, оторванности 18–20-ти (да и 40)-летних от реальной действительности, жизненных человеческих стремлений, теме, в которой из множестве произведений русской и европейской литературы, особое место принадлежит трем реалистическим (ибо написаны они непосредственными участниками событий), написанным писателями разных национальностей. (Не оставим в стороне и роман С. Сергеева-Ценского (он не был участником военных действий) «Брусиловский прорыв»). А, значит, и по-разному осмысливающими характер человека на войне, его мысли, его характер, мотивы его действий и поступков. Это классик белорусской литературы Максим Горьцкий («На империалистической войне. (Записки солдата 2-й батареи п-ской артиллерийской бригады Леона Задумы»), немецкий писатель Эрих Мария Ремарк («На западном фронте без перемен»), французский писатель о общественный деятель Анри Барбюс («Огонь. Дневник взвода»)*.

*К примеру, А. Барбюс, несмотря на многочисленные решения разных комиссий, добился, чтобы его 40-летнего отправили на фронт, и 23 месяца провел на передовой и только после ранения был комиссован; М. Горьцкий в 21 год в июне 1914 г. записался в армию вольноопределяющимся и был демобилизован из армии по «белому билету» лишь в январе 1918 г.

Они были адресованы читателям в разные годы: «Огонь» А. Барбюса был напечатан в декабре 1916 года и был отмечен Гонкуровской премией (в России с предисловием М. Горького «Замечательная книга» был издан в 1919 г.). Документально-художественные записки «На империалистической войне» М. Горьцкого увидели свет в 1926 г. (Что же касается «Брусиловского прорыва», то он из печати вышел в 1944 г.); роман Э.М. Ремарк «На Западном фронте без перемен» – в 1929 году. Как видим, казалось бы время могло привести, к примеру М. Горьцкого и Э.М. Ремарка к переоценке, художественному переосмыслению страшных будней Первой мировой войны. К счастью, этого не случилось. И перед тогочасным, да и перед сегодняшним читателем (в нашем сообщении назовем ее трилогией) предстают художественные документы высочайшего идейно-эстетического смысла, без лакировки, без смягчения и сглаживания людских конфликтов, возникающих как в ходе боевых действий, так и в прифронтовой полосе. И непосредственные участники боевых действий (М. Горьцкий и А. Барбюс), и писавший от имени своих одноклассников Э.М. Ремарк, рассказывали о поколении, которое погубила Первая мировая, создали произведения насквозь пронизанные антивоенным, антимилитаристским пафосом, бескомпромиссным осуждением войны, сложнейшими морально-психологическими коллизиями, в которых люди оказывались «в разладе с собой, опустошенными, вырванными из почвы и растерявшими надежды» (Э.М. Ремарк)

Лишь несколько позиций, содержательно обобщающих и объединяющих произведения М. Горьцкого, А. Барбюса и Э.М. Ремарка в единое трагедийно-социально-духовное масштабное литературное полотно, наполненное типажам, считающими за счастье каждый прожитый «тихий» день на передовой.

И первой из таких позиций назовем крах мечтаний восемнадцатилетних, мечтавших войти «в пору зрелости, в мир труда, долга, культуры и прогресса», над которыми вместо благ цивилизации стал каждодневно витать «страх смерти». И независимо от того, была ли это «группа связистов артиллерийской бригады» у М. Горьцкого, четыре молодых немца Э.М. Ремарка, все они – очень метко подметил А. Барбюс – становятся сведенными к одному уровню, вовлеченными вопреки своей воли в военную авантюру, которая «гнетет, стирает» все личностные особенности.

Да и кому были нужны эти особенности – ведь погибли они под Круи и на высоте 119 (у А. Барбюса): в октябре 1918 г. в один из тех дней, «когда на всем фронте было так тихо и спокойно, что военные сводки состояли из одной только фразы “На западном фронте без перемен”» будет убит Пауль Боймер главный герой ремарковского романа; духовно-опустошенными, с чувством одиночества и безысходности вернется в родные места главный герой Леон Задума у М. Горьцкого.

Однако над ними, еще живыми, порой угрюмыми, порой веселыми (Э.М. Ремарк), надеющимися не умереть (А. Барбюс) ежечасно, ежеминутно господствует ужас войны, разрушающий диалектику чувств, межличностных отношений, превращающий, по Э.М. Ремарку, их в «полулюдей-полуживотных». Разрушающие психику постоянные атаки и контратаки, ожесточенные артиллерийские обстрелы (читаем у М. Горьцкого: «Снаряды зысыпали батарею, цяжкія, незвычайнай, нябачнай сілы...усе пабылі на валасіначку ад смерці бо звязваць (телефонный кабель. – А.Р.) прыходзілася на гладкім полі пад страшэннымі абстрэламі...» [1]), немецкие газовые атаки (у Э.М. Ремарка: «Я помню страшные картины: отравленные газом, которые еще несколько дней умирают от удушья и рвоты, по кусочкам отхаркивая перегоревшие легкие» [2]); самолетные (аэроплановые) бомбардировки («Впереди была восемнадцатая рота. Она сильно пострадал: восемнадцать убитых и около пятидесяти раненых, за четыре дня из каждых трех солдат выбывали по одному, а ведь атаки не было – только бомбардировки» [3]) это у Барбюса.

А еще были изматывающие, бессмысленные перемещения из одного фланга фронта на друнгой, из фронта в тыл и обратно, постоянное ощущение голода, обстрелы своей же артиллерией и на Западном, и на Восточном фронте. В дневнике Задумы у М. Горьцкого весьма интересная запись: «Спачатку крылі ўфімцаў, потым перанеслі (артиллерийский обстрел . – А.Р.) на уральцаў» [4].

Все перемалывали «фронтовые жернова» – отчаяние, смерть, страх и сплетение нелепейшего безумного прозябания с безмерными муками, чтобы убить, уничтожить себе подобных, но «злейших врагов» (бошей), а затем и миллионы самих «героев» отправить в небытие (у А. Барбюса и Э.М. Ремарка) или «нашпиговать» этими кошмарами подсознание человека, не получающего душевного равновесия, даже при встрече с родными и близкими людьми, как у главного героя у М. Горьцкого.

Позор убийственного противоречия, унижающего «человека до степени безвольного инструмента, до какой-то отвратительной машины» (А. Барбюс) начинают на Западном фронте понимать и «боши», и французы. И вот оно первое «братание»: «... вот из-под земли вылезает один бош, два боша, десять бошей – серые черти! – машут нам руками и кричат: “Камрад! Мы эльзасцы!” – и все выходят из Международногохода. “Мы не будем стрелять, говорят, не бойтесь, друзья! Дайте нам только похоронить убитых товарищей”. И вот мы начали работать, каждый на своей стороне, и даже разговаривать с ними: ведь это эльзасцы» [5].

Но в 1915 г. на фронте Первой мировой такое случалось не часто. По-прежнему в сознании и у французских солдат и у «бошей» непримиримое противоречие разума и воли. Хотя зерна разума постепенно крепнут – они задумываются о послевоенной жизни, о будущем («будущее необходимо, необходимо!» – убеждает солдат сержант Бертран) и эта огромная людская (солдатская) масса могла бы остановить мировую бойню, чтобы увидеть своих потомков свободными, разумными, творящими мирную жизнь, людьми. Но властвуют не искры разума, а отсутствие воли, и, отрицая в душе смерть, они идут убивать и ... умирать, оставляя после себя «опустевшие города, разоренные села и деревни землю, которая, не схоронив трупы погибших сама становится трупом» (А. Барбюс). И понятными становятся слова М. Горьцкого: «Мрачная книга его (А. Барбюса. – А.Р.) страшна своей беспощадной правдой, но всюду во мраке изображаемого им сверкают огоньки нового сознания, – и эти огоньки, мы верим, скоро разгорятся во всемирное пламя очищения земли от грязи, крови, лжи и лицемерия, созданных Дьяволом Капитала» [6].

Подытоживая, подчеркнем, что эти горьковские слова с полным основанием можно соотнести и с книгами Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» и М. Горьцкого «На империалистической войне».

В советской художественной литературе к событиям Первой мировой войны обращались М. Шолохов в «Тихом Доне», А. Толстой «Хождение по мукам» и некоторые другие авторы. Однако наиболее масштабны, на наш взгляд, является исторический роман С. Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв». Подчеркиваем, что это было время, когда в Ставке Верховного Главнокомандования в Москве завершалась разработка не только Берлинской операции, но и освобождение стран Европы от фашистского господства. Нужен был «брусиловский прорыв» русской армии, дополнявший Ледовое побоище и севастопольскую оборону, Бородино и Порт-Артур. Ведь победа русского оружия в грандиозной по размаху Галицийской битве (Юго-Западный фронт А.А. Брусилова) привела к такому поражению союзников Германии, от которого, по существу и Австрия, и Венгрия не смогли оправиться до конца войны.

«Брусиловский прорыв» С. Сергеева-Ценского – роман действительно «исторический». В этом, на наш взгляд, и заключается его значимость. Главные действующие лица – Николай II, Ставка Верховного Главнокомандования в Могилева и командующие

армиями, дивизиями, бригадами, полками и всем Юго-Западным фронтом генералы Брусилов, Иванов, Деникин, Каледин, Эверт, Щербачев и еще множество менее известных в истории личностей. И писатель и тем, и другим уделил достаточно внимания – совещания в Ставке, беседы, обсуждение выигранных или проигранных военных операций и т.д. Но все они может быть, за исключением Николая II, главковерха Алексеева и, конечно же, Брусилова, являются личностями проходящими, появляющимися на страницах романа от случая к случаю. Через весь роман автор проводит командующего одной из дивизий, потомственного военного генерал-лейтенанта Гильчевского, личность незаурядную, способную быть Личностью и в жизни, и в быту («любил также по-кавказски кутнуть в хорошей компании») и в «военном театре» Первой мировой. Солдаты видели его и на переправе через Вислу, и в наступлении, когда приходилось идти на штурм вражеских позиций, даже не имея ножниц для резки проволочных заграждений противника и катастрофической нехватке снарядов, и в отработке боевого мастерства солдат и офицеров во время передышек между боями.

Человек, которого автор романа провел через всю брусиловскую эпопею и который видел и переживал бессмысленность многих указаний, вынужден уже в конце повествования заявить: «Кончено! Я теперь раз и навсегда понял, что воевать не умею!»

Нет, воевать он умел. И именно из таких «неумеющих» воевать в конце 1916 года «вырастут» умеющие воевать за Советскую власть на фронтах Гражданской и Второй мировой войны Каменев «красный» Брусилов, генералы Зайончковский, Легицкий, Цуриков, Яхонтов и другие «бывшие».

«Скрепляющим» роман «Брусиловский прорыв» выглядит и ротный командир поручик Ливенцев, прибывший на Юго-Западный фронт летом 1915 г. Опытный, бывший прапорщик еще в японскую войну пришелся по душе и солдатам, и командиру дивизии Гильчевскому, о котором генерал при осмотре военных позиций, сказал солдатам: «Это ваше счастье, ребята, что у вас такой ротный командир оказался. Будь бы я рядовой, а не начальник дивизии, я бы знал, что с таким ротным, нигде бы не пропал! Впрочем, и мне, начальнику дивизии, тоже не плохо, раз у меня нашелся офицер до того к вам заботливый, что от неприятельских пушек вас и в резерве спасает» [7]. После ранения командира батальона примет на себя Ливанцев командование им, и пройдет с ним и брусиловский прорыв, и схватки с противником в новых наступлениях, пока не окажется после тяжелой контузии в армейском лазарете. Думаем, что правы критики (и военные специалисты), что именно из таких, прапорщиков и унтер-офицеров как Ливенцев войдут уже в советскую военную историю легенда Гражданской войны Буденный, полный Георгиевский кавалер, маршал Победы Г.К. Жуков, будущие маршалы Красной Армии Конев, Малиновский, Рокоссовский и др.

Разные писатели, различные подходы к осмыслению Первой мировой войны, но безусловным является то, что они (как и Э. Хэмингуэй, и Р. Олдингтон, и Джон Рид) были великими гуманистами, утверждавшими величайшее для Человека право – жить и творить во имя Жизни и Мира на земле.

P.S. Однако будет правдой то, что «Дьявол Капитала» названный М. Горьким, будто бы не знающий о трагизме Первой мировой, и в начале ХХ столетия претендует на право господствовать в мировой политике, именуя себя, не иначе, как «сильные мира сего».

1. Гарэцкі, М. На імперыялістычнай вайне. Запіскі салдата 2-й батарэі п-скай артылерыйскай брыгада Лявона Задумы / М. Гарэцкі. – Мінск, 2014. – С. 9.
2. Ремарк, Э.М. На Западном фронте без перемен. Возвращение. Романы / Э.М. Ремарк. – Минск, 1982. – С. 43.
3. Барбюс, А. Огонь (дневник взвода) / А. Барбюс. – М., 1982. – С. 53.
4. Гарэцкі, М. На імперыялістычнай вайне... – С. 69.
5. Барбюс, А. Огонь... – С. 53.
6. Горький, М. Предисловие / М. Горький // Барбюс, А. Огонь (дневник взвода). – М., 1982. – С. 7.
7. Сергеев-Ценский, С. Брусиловский прорыв / С. Сергеев-Ценский // Первая мировая. – М. 1989. – С. 85.